

Ю. С. МАСЛОВ

КАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

АСПЕКТОЛОГИЯ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КВАЛЪТРЫ
МОСКВА 2004

сверхсложными формами французского глагола (*formes surcomposées*). Они образуются на базе перфекта «второго раунда», причем используется не только финитная форма вспомогательного глагола, но и его причастие. Наиболее употребителен сверхсложный перфект (*passé surcomposé*), например (*dès que*) *j'ai eu fait* '(как только) я сделал', (*aussitôt que*) *j'ai été venu* '(как только) я пришел', и сверхсложный плюсквамперфект, реже встречаются другие сверхсложные формы. Э. Бенвенист квалифицирует роль *passé surcomposé* следующим образом: «По функции *j'ai eu fait* представляет собой новый перфект к *j'ai fait*, ставшему аористом»¹⁰⁰. Сходную мысль высказывает В. Г. Гак: «...недостаточно явно выраженный оттенок перфектности у сложных времен способствовал развитию сверхсложных времен, которые всегда выражают завершенность действия»¹⁰¹. Г. Хильти подчеркивает лингвогеографическое и «лингвостратификационное» совпадение между отмиранием *passé simple* и появлением сверхсложных форм¹⁰²: оба явления характерны для разговорного языка и в общих чертах совпадают по территории своего распространения.

Итак мы рассмотрели ряд основных понятий общей аспектологии, как они формулируются на современном этапе ее развития, и попытались конкретнее осветить некоторые из них на материале нескольких языков, лучше изученных в этом отношении. Несомненно, привлечение данных по другим, типологически и генетически различным, языкам внесло бы существенные коррективы в намеченную здесь картину. Но это — дело будущих больших исследований, осуществить которые можно только коллективными и согласованными усилиями.

¹⁰⁰ Бенвенист Э. Отношения времени во французском глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 284.

¹⁰¹ Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1979. С. 200.

¹⁰² См.: Hilty G. Tempus, Aspekt, Modus // Vox Romanica. 1965. Т. 24. N 2. P. 295.

II. КАТЕГОРИЯ СОВЕРШЕННОГО/НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке*

Среди многочисленных вопросов, связанных с выяснением семантики совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ) в современном русском литературном языке, одним из важнейших является вопрос отражения лексического, «вещественного», «реального», «материального» значения глаголов в их видовой, грамматической семантике. Этому вопросу — вопросу обусловленности оттенков грамматического значения вида особенностями значений лексических, «вещественных» — и посвящена настоящая статья.

Исследователями отмечен ряд функций СВ и НСВ, проявляющихся в противоположениях соотносительных глаголов одного и другого вида. Эти противоположения могут быть сведены к следующим основным.

1. Противоположение действия в самом процессе его выполнения, становления, развития (НСВ) готовому факту, скачку, целостности действия (СВ): *Когда я выходил из дому* (процесс), *я встретил знакомого* и *Я вышел из дому* (констатация факта, действие взято в его целостности, представляющей скачок в новое состояние — от бытия в доме к бытию вне дома).

2. Противоположение тенденции к определенному факту, попытки или намерения достичь определенного результата (НСВ)

* Опубликовано в: Изв. АН СССР, отд. лит. и яз. 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 303—316.

действительному осуществлению этого факта, действительному достижению результата, успеху действия (СВ): *умирал, но не умер; ловил, но не поймал; встречал, да не встретил* (А. Н. Островский. Бесприданница).

3. Противоположение неопределенной длительности протекания действия, т. е. длительности, не ограниченной какими-либо пределами (НСВ), мгновенности действия или ограниченной известными (большими или меньшими) пределами длительности его протекания (СВ): *Он чувствовал сильную боль* (неизвестно, в течение какого времени) — *Он почувствовал боль* (мгновенно); *Существовали различные взгляды по этому вопросу* (неизвестно, в течение какого времени) — *Римская империя просуществовала пятьсот лет* (ограниченная пределом длительности; определение продолжительности представляет здесь необходимый элемент в словосочетании).

4. Противоположение обычного, неопределенное количество раз повторяющегося действия (НСВ) единичному, однократному действию или действию, повторенному ограниченное количество раз (СВ): *читал лекции — прочитал лекцию* (десять лекций); *Он все время оборачивался — Он обернулся несколько раз*.

5. Противоположение действия «в общем смысле», действия «вообще», неопределенного в отношении конкретных условий его осуществления (НСВ), конкретному случаю (СВ): *Ты писал ему?* (вообще, когда-нибудь) — *Ты написал ему?* (в данном, конкретном, известном собеседникам случае); *Вы не встречали Петрова?* («вообще», т. е. если думаем, что собеседник мог случайно встретиться с Петровым) и *Вы не встретили Петрова?* (в данном, конкретном случае, т. е. если встреча почему-либо представляется особенно вероятной, скажем, если собеседник шел той же дорогой, что и Петров, был в том же здании и т. д.); *Хочу поговорить с вами* (речь идет о конкретной беседе) — *Да что там говорить?* (т. е. вообще, «в принципе»). Пример из Л. Н. Толстого (Крейцерова соната, гл. XXV): *...чувствовал, что владеть я этим телом не могу, что оно не мое, и что она может распоряжаться им, как хочет, а хочет распорядиться им не так, как я хочу* (т. е. может вообще распоряжаться им как хочет, а в данном случае хочет распорядиться им не так, как я хочу).

Можно было бы привести еще несколько производных противоположений более частного характера, но не это составляет сейчас нашу задачу. Для нас важно подчеркнуть другое: совершенно очевидно, что не каждое даже из пяти указанных противоположений охватывает все соотносительные пары глаголов СВ и НСВ.

Так, наше второе противоположение (тенденция, попытка — успех, осуществление) не может проявиться в таких, например, парах, как *видеть/увидеть, благодарить/поблагодарить, являться/явиться*. По образцу сочетаний *ловил, да не поймал; ловил и наконец поймал; ловил, пока не поймал* нельзя сказать — по крайней мере без введения в контекст дополнительных элементов — **видел, да не увидел; *благодарил, да не поблагодарил; *являлся, да не явился* (как невозможны и **видел и наконец увидел; *благодарил и наконец поблагодарил; *благодарил, пока не поблагодарил* и т. д.). Противопоставляясь друг другу по каким-то другим линиям (обычность — ограниченная кратность, действие «вообще» — конкретный случай и т. д.), глаголы *видеть* и *увидеть, благодарить* и *поблагодарить, являться* и *явиться* не могут служить для разграничения попытки и успеха, тенденции и осуществления действия.

Наше первое противоположение (действие в процессе его осуществления — готовый факт, скачок), казалось бы, настолько типично и характерно, что именно его многие клали в основу определения семантики видов¹⁰³. Однако нетрудно убедиться, что и оно не охватывает всех пар. Так, в частности, оно не может проявиться в таких, например, парах, как *приходить/прийти, приносить/принести, приводить/привести, находить/найти*. Глаголы *приходить, приводить, приносить, находить* и ряд других не способны выражать отдельное действие в процессе его осуществления (= занятость выполнением этого действия). Нельзя сказать: **я вызвал его по телефону, и он уже приходит ко мне*, или **смотри, вот он приводит сюда сына*, или **я встретил почтальона на лестнице, как раз когда он приносил мне письмо*, или **он как раз находит иголку*¹⁰⁴.

Если к этим фактам мы добавим еще наличие вариантов внутри нашего третьего противоположения, где неограниченной длительности противостоит то моментальность (*чувствовать — почувствовать*), то длительность, ограниченная известной небольшой порцией времени (*жить — пожить*), то, наконец, длительность, хотя и опре-

¹⁰³ Ср. еще у чешского грамматика XVII в. Вацлава Иоанна Росы (Rosa) в книге «Czechorecnost seu Grammatica Linguae Bohemicae» (Micro-Pragae, 1672) определение НСВ как выражающего действие «только в процессе его становления» (in fieri tantum), а СВ — как выражающего «готовый факт» (P. 141).

¹⁰⁴ Во всех этих примерах глагол НСВ оказывается неспособным служить ответом на вопрос «что ты там делаешь?». (Разумеется, речь не идет о переносных значениях данных глаголов; ср.: *Он находит этот вопрос заслуживающим внимания*.)

деленная, но вовсе не кратковременная (*существовать* — *просуществовать*), мы получим картину значительной семантической неоднородности каждого из видов, картину значительных колебаний конкретного мыслительного (понятийного) содержания¹⁰⁵ грамматической категории вида в различных соотносительных видовых парах.

Признание этого положения требует от лингвиста, чтобы он, исследуя семантику видов, не ограничивался поисками такой общей формулы, которая позволила бы ему охватить в едином определении все многообразие оттенков каждого из видов, но чтобы тщательным анализом самих этих оттенков и причин распространения каждого из них в рамках определенной части глагольной лексики, он вскрыл бы подлинное содержание и взаимоотношение конкретных понятийных категорий, сосуществующих здесь под покровом единого формально-грамматического целого.

Надо сказать, что вопрос об оттенках каждого из двух видовых значений имеет в русской науке довольно плодотворную традицию. Однако разработка его шла в основном по линии выяснения оттенков значения, вносимых в глаголы отдельными приставками и некоторыми суффиксами, т. е. по линии прикрепления семантических явлений к фактам морфологии. Между тем, дело здесь не только в различиях морфологических типов. В частности, противоположность значений 'попытка' — 'успех' одинаково ярко проявляется в таких различных по своей морфологической характеристике парах, как *ловить/поймать*, *делать/сделать*, *встречать/встретить*, но не может проявиться в морфологически однотипных с ними парах *говорить/сказать*, *видеть/увидеть*, *являться/явиться*. Значит, возможность противоположения двух парных глаголов по линии 'попытка' — 'успех' или невозможность такого их противоположения зависит не от того или иного морфологического способа выражения вида в этих глаголах, а от каких-то других причин. По-видимому, дело здесь в особенностях лексического значения одних и других глаголов и в каких-то объективных свойствах самих обозначаемых ими действий и процессов.

Таким образом, семантическая неоднородность вида не всегда и не во всем параллельна его морфологической неоднородности; семантические различия не дублируют морфологических, а в ряде случаев

¹⁰⁵ Ср.: Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Тр. Воен. ин-та ин. яз. Красной Армии. 1945. № 1. С. 5—15.

перекрывают их. Значит, морфология не может служить достаточной опорой для семантического исследования, и должен быть найден другой, синтаксический критерий. По-видимому, таким критерием должно явиться именно различие между глаголами по их способности вступать в определенные словосочетания, т. е. различие «валентности» изучаемых глаголов, применяя заимствованный из химии термин, предложенный у нас в советском языкознании проф. С. Д. Кацнельсоном¹⁰⁶. Если мы можем сказать: *Подожди, он уже дописывает последнюю страницу*, но не можем сказать: **Подожди, он уже приносит мне письмо*, или можем сказать: *ловил, но не поймал*, но не можем сказать: **видел, но не увидел*, то значит, «валентность» интересующих нас глаголов оказывается здесь каждый раз другой. Как в периодической таблице Менделеева элементы, обнаруживающие разную валентность, относятся к разным группам, так и здесь мы должны признать объективное существование ряда семантико-синтаксических глагольных групп, отличающихся друг от друга «валентными» свойствами. Пользуясь методом эксперимента — в смысле, приданном этому понятию акад. Л. В. Щербой¹⁰⁷, — мы должны будем выявить количество и состав таких семантико-синтаксических групп и на основе анализа общих черт лексической семантики глаголов каждой группы выяснить причины именно таких, а не иных «валентных» свойств входящих в нее глаголов.

Конечно, картина выделяемых семантико-синтаксических групп будет заведомо неполной, если ограничиться анализом пар соотносительных видовых дублетов, оставив в стороне весьма многочисленные непарные глаголы русского языка, глаголы perfectiva и imperfectiva tantum, не имеющие рядом с собой соотносительных форм другого вида. Непарные глаголы не раз служили предметом рассмотрения в науке, однако в трактовке этих глаголов до сих пор почти безраздельно господствовал формализм.

Недостаточным вниманием к семантике и преувеличенным вниманием к флективно-морфологической стороне характеризовался уже самый подход к практическому отграничению непарных глаголов от парных. Даже такой тонкий исследователь, как акад. А. А. Шахматов, включает в свой список непарных

¹⁰⁶ Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестн. Ленингр. ун-та. 1948. № 2. С. 114—134.

¹⁰⁷ Ср.: Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Изв. АН СССР, отд. общ. наук. 1931. № 1. С. 113—129.

глаголов только те, при которых никаких образований другого вида вообще нет (*бацнуть*, *обожать* и т. п.), или же, если такие образования есть, то морфологически они являются неправильными, отклоняющимися от нормы (*сесть* — *садиться*, *купить* — *покупать* и т. п.)¹⁰⁸. Зато, например, *любить* не попадает у Шахматова в список непарных глаголов, поскольку в языке существует его морфологически-нормальный дублет *полюбить* (ср. *чувствовать* — *почувствовать*), причем «парность» *любить* и *полюбить* как будто бы подтверждается и невозможностью приставочно-суффиксального образования типа **полюбливать*. Ясно, что при семантическом, а не формальном подходе, наоборот, глаголы *сесть* и *садиться* должны были бы считаться, несмотря на некоторую морфологическую «нерегулярность», вполне нормальными парами, а столь различные по своему лексическому значению глаголы, как *любить* и *полюбить* (= *начать любить*), несомненно надлежало бы рассматривать не как грамматическую пару, а как два непарных «недостаточных» глагола, — непарный глагол НСВ *любить* и непарный глагол СВ *полюбить*.

Но, отбросив морфологический критерий Шахматова и стремясь поставить вопрос разграничения парных и непарных глаголов на семантическую основу, превратить его в вопрос о разграничении парных и непарных глагольных значений, мы должны найти какой-то другой объективный критерий для этого разграничения, если не хотим, чтобы вопрос решался от случая к случаю в соответствии с субъективными вкусами того или иного исследователя¹⁰⁹. Чтобы сформулировать этот объективный критерий, надо найти в языке положение, при котором противоположность видов «автоматически» снималась бы в пользу одного из них, т. е. один из видов в обязательном порядке заменялся бы другим. Такое положение в современном русском языке есть. Это так называемое историческое настоящее (*praesens historicum*). При переводе повествования из плоскости прошедшего времени в плоскость исторического настоящего все глаголы как СВ, так и НСВ, оказываются уравненными в формах настоящего времени НСВ. Ясно, что лексическая семантика

¹⁰⁸ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941. С. 187—188.

¹⁰⁹ Не формулирует такого объективного критерия и акад. В. В. Виноградов. Не потому ли рассмотренные нами сейчас глаголы *любить* и *полюбить* попадают и у него в число «соотносительных форм одного и того же глагола» (ср.: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947. С. 535), тогда как глагол *понестись* правильно трактуется им как непарный, не составляющий пары с простым *нести*? (Там же. С. 531).

глагола принципиально не должна подвергаться при этом ни малейшему изменению. Значит, обратимость данного глагола СВ в тот или иной глагол НСВ при переводе повествования в плоскость исторического настоящего может служить надежным признаком действительной парности этих двух глаголов, а необратимость — признаком того, что данные два глагола не составляют видовой пары. Так, предложение *Он полюбил ее с первого взгляда* при пересказе в историческом настоящем, по-видимому, не превратится в **Он любит ее с первого взгляда*, следовательно *любить* и *полюбить* — не пара. Напротив, если *Она очнулась в незнакомой комнате* может дать при переводе в историческое настоящее *Она приходит в чувство в незнакомой комнате* (с некоторой, неизбежной в данном случае, утратой эмоциональной окраски), то это значит, что морфологическая недостаточность глагола *очнуться* преодолевается путем привлечения этимологически «постороннего» глагола (точнее — целого словосочетания), т. е. путем создания того, что в языкознании принято называть «супплетивными» рядами.

Что касается причин непарности, то в науке предлагались различные объяснения, имевшие в виду различные группы непарных глаголов. Так, указывалось, что иногда невозможность образования двойников противоположного вида бывает связана с нехваткой технических средств флективной морфологии, которые были бы в состоянии оформить такие образования¹¹⁰. В других случаях непарность объясняется церковнославянским происхождением данного глагола (напр. глаголов *обожать*, *полагать*, *обуревать* и др.), его «книжным» и архаичным характером (*долженствовать*, *обуять*, *воззриться*) или, наоборот, его диалектным происхождением (*прохлаждаться*, *охолонуть* в речи одного из персонажей М. Шолохова)¹¹¹. Ссылались даже на фонетические причины¹¹². Однако на семантические причины непарности, как правило, или вовсе не обращали внимания, или указывали на них лишь случайно, применительно к отдельным группам глаголов, без постановки вопроса в принципиальной плоскости. А между тем в подавляющем

¹¹⁰ И. А. Калинин ссылается, например, на техническую невозможность, вследствие недопустимости повторения имперфективирующего суффикса, создания двойников НСВ к глаголам с двумя приставками типа *повытаскивать* (ср.: Калинин И. А. Категория вида в русских глаголах // Тр. Горьковского пед. ин-та им. М. Горького. 1940. Вып. 8. С. 206).

¹¹¹ Ср.: Шахматов А. А. Очерк... С. 188; Калинин И. А. Категория вида... С. 208 и 210.

¹¹² Напр.: Виноградов В. В. Русский язык. С. 538.

большинстве случаев причины непарности — именно в семантике самих непарных глаголов, в том, что лексическое значение данного глагола, отражая определенные объективные свойства соответствующего действия, оказывается несовместимым с грамматическим значением того или иного вида.

После этих общих замечаний переходим к рассмотрению семантико-синтаксических групп глаголов современного русского литературного языка. Прежде всего выделяются три больших разряда: 1) непарные глаголы НСВ, 2) непарные глаголы СВ и 3) пары соотносительных глаголов, и, далее, ряд более мелких рубрик внутри каждого из этих трех разрядов.

Первый разряд: непарные глаголы несовершенного вида.

Образец: *плакать*.

Общее свойство: невозможность образования чистых видовых дублетов СВ (невозможность чистой перфективации); образуются только, да и то не при всех глаголах этого разряда, глаголы СВ с начинательным значением (*заплакать*) и со значением «охвата длительности»¹¹³ (*поплакать*, *проплакать*), не составляющие с ними соотносительных видовых пар.

Состав разряда.

А) «Глаголы пребывания и бесперспективного протекания».

1. Глаголы, обозначающие факт существования и наиболее общие свойства и качества предмета, его количественные и качественные определения в отношении с другими предметами: *быть*, *существовать*, *бывать*, *наличествовать*, *присутствовать*, *отсутствовать*, *обстоять*, *противостоять*, *состоять*, *содержать*, *соответствовать*, *значить*, *означать*, *иметь*, *принадлежать*, *обладать*, *преобладать*, *зависеть*, *жить*, *весить*, *стоять*, *выглядеть*, *пахнуть* и др. Сюда же относятся *гореть*, *тонуть* и пр., когда они выступают как обозначение постоянных свойств предметов: *Кислород не горит*, *но поддерживает горение*.

2. Глаголы, обозначающие принадлежность лица к определенной общественной группе, его род занятий, должность, и т. д.: *плотничать*, *сапожничать*, *рыбачить*, *торговать*, *вдовствовать*, *царствовать*, *заведовать*, *управлять*, *командовать*, *председательствовать* и др.; сюда же относятся такие, как *пахать*, *шить*, *писать*, если

¹¹³ Ср.: Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. 2-е изд. Харьков, 1937. С. 152.

они употреблены как обозначение постоянного, профессионального занятия, без объекта или с объектом в «общем», неконкретном смысле: *мой дед землю пахал* = был простым крестьянином, *он шьет мужские вещи* = он мужской портной, *она пишет в разных журналах* = занимается журналистской деятельностью; ясно, что в этих своих значениях глаголы *пахать*, *шить*, *писать* и т. д. несоотносительны с какими-либо глаголами СВ.

3. Глаголы, обозначающие состояние, хотя бы и временное, но такое, которое не предполагает даже в отдаленной перспективе каких-либо качественных изменений или неизбежного, из самой природы данного процесса вытекающего перехода в какое-либо новое состояние: *стоять*, *сидеть*, *лежать*, *болеть*, *спать*, *бодрствовать*, *молчать*, *бредить*, *побаливать* и т. п.

4. Глаголы, обозначающие чувства и эмоциональные состояния, которые не могут мыслиться как кратковременные: *любить*, *ненавидеть*, *обожать*, *недолюбливать*, *презирать*, *уважать*, *ревновать*, *тосковать*, также *полагать* в смысле 'думать' и т. д.

5. Глаголы, обозначающие занятие действием без указания, хотя бы в перспективе, на момент окончания этого действия как на его цель (действие было начато не с целью быть когда-либо оконченным): *плакать*, *дразнить*, *издеваться*, *заигрывать*, *ухаживать*, *заискивать*, *прятельствовать*, *отнекиваться*, *напевать*, *разгуливать*, *разговаривать*, *отплясывать*, *выплясывать*, *переругиваться* (при сов. *переругаться* в другом значении, хотя морфологически оба глагола представляют собой нормальную пару!); сюда же относятся глаголы, обозначающие действие, сопровождающее другое действие, — *приплясывать*, *приговаривать*, *подпевать* и др.

6. Глаголы «неопределенного движения» группы *ходить* — *ездить* — *носить*.

7. Глаголы «определенного движения» *идти* — *ехать* — *нести*, если при них нет указания цели движения. В этих случаях соответствующие образования СВ *пойти*, *понести*, *поехать*, *поплыть*, *побежать* и т. д. являются начинательными глаголами, по сути такими же, как *полюбить*, *забарабанить*, *заходить*, *забегать*; ср. у Маяковского: *...лошадь рванулась, встала на ноги, ржнула и пошла* (Хорошее отношение к лошадям), а также в переносных значениях: *Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями* (Пушкин. Капитанская дочка); *часы пошли*; *понес околесицу* и т. д. В случае, если при глаголе стоит указание цели движения, образования с *по-* теряют обычно свое начинательное значение, и мы получаем чистые видовые пары: *идти на собрание/пойти на собрание*, *ехать в*

Москву/поехать в Москву, нес письмо на почту/понес письмо на почту и т. п.

Б) «Глаголы безуспешной попытки и безуспешного стремления»: *искать, ждать*, арх. *чаять*. В семантике глагола отсутствует какое бы то ни было указание на объективную необходимость успеха действия (хотя бы в отдаленной перспективе).

Нетрудно убедиться, что причина непарности всех перечисленных до сих пор глаголов лежит в каких-то общих свойствах самих выражаемых ими действий. В чем состоят эти общие свойства?

1 Во-первых, процессы, обозначаемые этими глаголами, не могут мыслиться как мгновенные или очень кратковременные. В случае моментализации, сведения к какому-то краткому мигу, любой из этих процессов должен был бы, так сказать, перестать быть самим собою; лежание, стояние, сон, болезнь, хождение, поиски, ожидание, которые продолжались бы, например, одну секунду, практически уже не являлись бы лежанием, стоянием, сном, болезнью и т. д.

2 Во-вторых, процессы, обозначаемые этими глаголами, объективно не заключают в себе необходимости своего прекращения. Они не ведут ни к какому скачку в новое состояние, остаются равными себе на всех отрезках своего протекания и, таким образом, не дают никакой перспективы, кроме перспективы бесконечной себестождественной длительности. Правда, по линии субъективной целевой установки действия наблюдаются некоторые различия между «глаголами бесперспективного протекания» в собственном смысле и «глаголами безуспешной попытки и безуспешного стремления», которые обозначают процессы, сознательно направляемые действующим лицом к достижению цели и длящиеся лишь до тех пор, пока она не достигнута. Однако объективная необходимость успеха и, следовательно, прекращения действия не дана и в глаголах *искать, ждать* и *чаять*, и, таким образом, они ничем по существу не отличаются от всех прочих непарных глаголов НСВ.

Именно обе эти черты, — невозможность моментализации и внутренняя беспредельность процессов, выражаемых рассматриваемыми сейчас глаголами, и ведут к тому, что перфективация этих глаголов становится возможной только в случае выделения начала процесса или при условии внешнего ограничения его длительности известной «порцией времени», ограничения, никак не вытекающего из внутренней природы самого данного процесса. В ряде случаев (при *бывать, стоять, ве-*

суть, содержать, существовать и др.) не могут быть образованы и начинательные глаголы, хотя выражение начинательности с помощью аналитических средств возможно во всех случаях (ср. *начал бывать, стал содержать* и т. п.). При некоторых непарных глаголах НСВ, вроде тех же *весить, стоять*, далее *любить, ненавидеть* и т. д., невозможны и образования СВ со значением «охвата длительности». Нельзя **понавидеть, *полюбить некоторое время*, как и **пролюбить, *проненавидеть всю свою жизнь* кого-нибудь и пр. Во всех этих случаях мысль вообще не мирится не только с моментализацией процесса, но и вообще с ограничением длительности протекания процесса какими бы то ни было рамками времени.

Второй разряд: непарные глаголы совершенного вида.

Образец: *очнуться*.

Общее свойство: невозможность образования чистых видовых дублетов НСВ (невозможность имперфективации). Для выражения некоторых значений, характерных для НСВ (в частности — многократного действия), используются средства нефлексивной морфологии (*бывало очнется*) или привлекаются этимологически «посторонние» образования (*приходит в себя, в чувство*).

Состав разряда.

А) Глаголы мгновенного, внезапного действия, часто неожиданного для говорящего или для лиц, о которых идет речь (многие из этих глаголов имеют известную эмоционально-стилистическую окраску): *хватить* в смысле 'ударить', *трахнуть, полоснуть, бацнуть, ринуться, хлынуть, грянуть, рухнуть, отпрянуть, поскользнуться, встрепнуться, опомниться, очутиться, шелохнуться, улизнуть, кануть, сгинуть*; почти все эмоциональные синонимы глагола 'умереть' — *окачуриться, дать дуба, сыграть в ящик, приказать долго жить, протянуть ноги*, как и *скончаться, преставиться*, арх. *отдать богу душу*; эмоциональный синоним глагола 'сойти с ума' — *рехнуться*, также *помешаться* и др. Везде здесь перед нами мгновенные, внезапные события, не могущие быть представленными как длящийся, растянутый во времени процесс, скачки, не поддающиеся процессуализации.

Б) Так называемые финитивные глаголы: *отобедать, отиуметь, отбомбиться*, а также такие, как *насмотреться, докричаться, искушать, изрубить*, обозначающие разные оттенки полноты, исчерпанности процесса. Ясно, что с идеей исчерпанности, отработанности процесса, содержащейся в этих глаголах, не вяжется идея разверты-

вания, течения процесса во времени. Таким образом, и здесь процессуализация оказывается невозможной.

В) Глаголы со значением охвата длительности: *постоять*, *пробыть* и т. д. Рядом с некоторыми из них существуют образования НСВ, морфологически абсолютно правильные и тем не менее не составляющие с ними соотносительных видовых пар. Так, *поживать* (как *поживаете?* или *жить-поживать* и т. д.) не есть просто форма НСВ от глагола *пожить*, так же, как *проживать* (= обитать) не есть форма НСВ от глагола *прожить* (какое-то количество времени). Это лишний раз показывает всю несостоятельность формального, морфологического подхода к проблеме выделения непарных глаголов. Невозможность процессуализации глаголов типа *пожить*, *прожить* и других связана с заключенной в них идеей ограниченности протекания определенными временными рамками.

Г) Многие начинательные глаголы — например *возненавидеть*, *залаять*, *заиграть*, *заплакать*, *расплакаться*, *разговориться*, *бежать*, *поплыть*, *полюбить* — тоже не имеют параллельных форм НСВ, тоже не поддаются процессуализации.

Таким образом, общая для всех непарных глаголов СВ невозможность процессуализации каждый раз вытекает, из лексической семантики соответствующего глагола. Именно эта невозможность процессуализации и является причиной непарности всех перечисленных глаголов.

Между тем грамматическая семантика НСВ не сводится, как мы видели, к выражению процессуальности. Формы НСВ выражают еще некоторые другие значения, не имеющие ничего общего с процессуальностью, например, значение неопределенной кратности и обычности действия, значение действия «в общем смысле», выполняют — в настоящем времени — функции исторического настоящего. Ясно, что эти грамматические значения НСВ принципиально совместимы с лексическими значениями, выражаемыми рассмотренными сейчас непарными глаголами СВ; так, ничто не препятствует многократному повторению действий 'ринуться', 'отобедать', 'пробыть' или 'возненавидеть' и т. д. Поскольку, однако, соответствующие глаголы НСВ не образуются, все подобные не-процессуальные значения выражаются здесь с помощью каких-то других средств.

Так, значение неопределенной повторяемости обычно передается здесь формами настоящего-будущего с добавлением слов *бывало* (*бывало вострепнется*, *посмотрит на меня и снова впадает в забытье*), *бывает* (*бывает вострепнется* и т. д.), *то... то* (*Как из-*

менчива нынче погода, — то вдруг хлынет дождь, то снова выглянет солнце) или сочетанием форм прошедшего и настоящего-будущего времени (*Кругом не слышалось почти никакого шума. Лишь изредка в близкой реке... плеснет рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной*. Тургенев. Бежин луг). В случае исторического настоящего привлекаются, как мы уже видели, этимологически «посторонние» образования (*очнулась* превращается в *приходит в себя* или в *чувство*, *улизнул* — в *убегает* или *скрывается*). В сценических ремарках непарные глаголы СВ употребляются в прошедшем времени на фоне настоящего; ср. у Блока: *Они расходятся. Третий вынырнул из-за камня. Сухими чертами лица... он похож на птицу* (Король на площади); *В тот же миг разъяренная толпа хлынула на ступени за Поэтом. Снизу расшатываются колонны* (там же) и т. д. Для начинательных глаголов, кроме названных сейчас средств преодоления морфологической «недостаточности» (*бывало возненавидит кого, так уж со света съжить готов* и т. п.), широко используются в тех же заданиях сочетания соответствующих простых (начинательных) глаголов с глаголами *начинать*, *пускаться* и т. п.; ср.: *как завидит кого-нибудь чужого, сразу начинает лаять, пускается бежать; увидев его, дети начинают плакать* (как «многократный вид» при «однократном» *заплакал* или *стал плакать*).

Третий разряд: пары соотносительных глаголов несовершенного и совершенного вида.

Как известно, пары соотносительных глаголов охватывают большую часть глагольной лексики русского языка. По признаку «валентности» они могут быть разделены на три основные группы.

Образцы.

1-я группа: *ловить/поймать*, *умирать/умереть*.

2-я группа: *видеть/увидеть*, *говорить/сказать*.

3-я группа: *приходить/прийти*, *колоть/кольнуть*.

Объективное отличие первой группы — возможность противоположения внутри входящих в нее пар по линии 'попытка' — 'успех' или 'тенденция' — 'осуществление', проявляющаяся в таких, в частности, контекстах, как *ловил, но не поймал*, — *ловил, пока не поймал*, — *ловил и, наконец, поймал* и т. п. В двух других группах возможность таких противоположений и таких контекстов или вовсе отсутствует или бывает обусловлена усложнением контекста, введением в него каких-то дополнительных элементов.

Объективное отличие третьей группы — невозможность употребления ее глаголов НСВ в значении однократного действия, находящегося в процессе своего осуществления, т. е. невозможность конкретно-процессуального употребления этих глаголов и тем самым невозможность противоположения внутри этих пар по линии 'процесс' — 'скачок'. В двух других группах возможность таких противоположений наличествует и является типичной.

Вторая группа определяется прежде всего отрицательно, — тем, что отделяет ее от двух других групп.

Внутри каждой группы имеется ряд более дробных рубрик.

Состав и особенности первой группы.

а) Пары типа *умирать/умереть, убивать/убить, тонуть/потонуть* (и *утонуть*), *топить/утопить* и другие подобные, далее *дожидаться/дождаться, встречать/встретить, ловить/поймать* (и *словить*) и некоторые другие. Второй член пары, т. е. глагол СВ, везде здесь обозначает факт скачкообразного перехода субъекта или объекта действия в новое качественное состояние, факт достижения в длительности процесса решающей «критической точки», которая одна и составляет собственно содержание данного глагольного понятия. Употребленные в своих прямых значениях, эти глаголы не допускают при себе ни определений полноты действия (вроде *совсем, полностью, наполовину, в основном* и т. д.), ни определений ступенчатости в развитии процесса (вроде *постепенно, мало-помалу, исподволь* и пр.)¹¹⁴. Первый член пары, т. е. глагол НСВ, может либо означать тенденцию процесса, намерение или попытку произвести действие, без указания на действительное достижение завершающей точки — скачка (...раз 15 он *тонул, погибал среди акул, но ни разу даже глазом не моргнул* (В. И. Лебедев-Кумач); *ловил, но не поймал*), либо выражать и самый факт перехода в новое качественное состояние, например, в историческом настоящем: *В 1725 г. Петр I умирает*; в настоящем сценических ремарок: *падает и умирает*; в случае неопределенной кратности действия: *Люди рождались, страдали и умирали*; в значении действия в «общем смысле», противопоставляемого конкретному случаю: *Хочу умереть. — Помилуйте, зачем же умирать?* и т. д. В примерах типа *умирал, но не умер*

¹¹⁴ В случае переносных значений эти ограничения ослабевают и снимаются вовсе; ср.: *постепенно убил во мне всякую охоту*. Так же при повторении действия в примерах вроде *Постепенно, один за другим, умерли все его братья*.

оба глагола не тождественны по своим лексическим значениям, оба выражают разные факты объективной действительности: факт, выраженный первым, (А) не совпадает объективно с фактом, выраженным вторым, (В). Здесь А не равно В ($A \neq B$). Во второй группе примеров (*Хочу умереть. — Помилуйте, зачем же умирать?*) оба глагола выражают один и тот же факт объективной действительности. Здесь $A = B$, и различным оказывается только подход к факту, те связи и опосредствования, в которых этот факт берется. Наличие тех же двух семантических возможностей в глаголе *ловить* ($A \neq B$ в *ловил, но не поймал* и $A = B$ в *Собака ловила на лету кусочки мяса, которые я ей бросал*) принципиально отделяет пару *ловить/поймать* от непарного глагола НСВ *искать*, который ни при каких обстоятельствах не может иметь значения 'найти', почему и был назван выше глаголом «безуспешной попытки».

б) Пары типа *догонять/догнать, доставать/достать, добиваться/добиться, отнимать/отнять, собираться/собраться, становиться/стать*, во многих случаях также *делать/сделать, строить/построить* и др. Отличие их от предшествующей подгруппы состоит в том, что содержание второго члена пары не сводится или не всегда сводится здесь к обозначению самого момента завершения скачка, но может включать в какой-то мере и предшествующее, подготовительное течение процесса, что видно из возможности при этих глаголах определений постепенности, ступенчатости процесса (*постепенно догнал, мало-помалу добился* и т. д.). Здесь возможно также неполное, частичное достижение результата (*Уже наполовину собрался в дорогу, когда стало известно, что поездка не состоится*). В остальном употребление вполне аналогично тому, что мы видели в предшествующей подгруппе. Ср.: *Уж он доставал-доставал из-за пазухи, наконец насилу достал скомканное письмо на имя Ильи Ивановича Обломова* (Гончаров. Обломов), где $A \neq B$, и *доставай-ка, что у тебя в печи*, где *доставай* = 'достань', т. е. $A = B$.

в) Несколько дальше отстоят пары, вроде *писать/написать, пахать/вспахать, красить/покрасить* (или *выкрасить*), а во многих случаях, по-видимому, и *строить/построить, делать/сделать*, также *расписывать/расписать* (например, о стенной живописи) и пр. Процессы, обозначаемые этими глаголами, связаны с постепенным достижением результата: каждая частица действия непосредственно отлагает в объекте соответствующую частицу результата. Поэтому здесь возможны и даже типичны определения постепенности или степени полноты, эффективности, в том числе и наиболее сложные (*на две пятых выкрасил забор* и т. д.), зато значительно реже встре-

чаются случаи противопоставления НСВ и СВ по линии 'попытка' — 'успех'. Для возможности подобного противопоставления здесь необходимо, чтобы в виду имелся целостный результат. Ср., с одной стороны, *долго писал диссертацию, но так и не написал ее*, с другой — *вряд ли возможное в нормальном употреблении *писал, но ни строчки не написал*.

г) Еще дальше, уже, собственно, на границе следующей, второй, группы нашей классификации (*видеть/увидеть*), стоят такие пары, как *дряхлеть/одрахлеть, слабеть/ослабеть, бледнеть/побледнеть, богатеть/разбогатеть* и т. п., в которых уже и вовсе нет возможности выделить «критическую точку», знаменующую переход к новому состоянию, границу, отделяющую новое состояние от старого. Здесь противопоставление по линии 'тенденция' — 'осуществление' возможно лишь при добавлении определителей полноты действия вроде *совсем, вконец, настолько, что* и т. п.: *богател, пока не разбогател настолько, что...* или *заметно хмелел, но еще не охмелел полностью* и пр. «Чистые» же сочетания **хмелел, но не охмелел, *слабел, но не ослабел* и другие подобные звучат во всяком случае весьма необычно.

Состав и особенности второй группы.

а) Глаголы «непосредственного, непрерывного эффекта», т. е. обозначающие такие действия, которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся «неэффективными», безуспешными. Таковы глаголы чувственного восприятия *видеть/увидеть, слышать/услышать, ощущать/ощутить, чувствовать/почувствовать*; глаголы говорения *говорить/сказать, просить/попросить, требовать/потребовать, советовать/посоветовать, обещать/пообещать, хвалить/похвалить, благодарить/поблагодарить, клясться/поклоняться, лгать/солгать*; глаголы других групп, если они в определенных фразеологических сочетаниях выступают в значении глаголов говорения (так, *делал, но не сделал работу* сказать можно, **делал, но не сделал замечание* — нельзя), глаголы звукоиспускания *рычать/зарычать, реветь/завывать* и т. д.; глагол *грешить/согрешить* и др. Все эти глаголы обозначают процессы, которые могут мыслиться и как сколь угодно длительные, и как очень кратковременные, практически мгновенные. Оба эти значения — длительности и мгновенности — и разграничиваются здесь противопоставлением форм НСВ и СВ. При этом, однако, «вещественное» содержание сообщаемого факта остается в обоих случаях одним и тем же: материально А всегда равняется В. Потому-то и нельзя их противопоставить друг дру-

гу так, как мы это делали с глаголами предшествующей группы, где А может быть равно В или не равно ему. Бывает, конечно, что действие, о котором идет речь, все же оказывается безуспешным в более широком смысле (т. е. с точки зрения не своего непосредственного результата, а более широкой целевой установки). В этом случае для выражения факта неуспеха бывает необходим уже значительно более сложный контекст. Здесь оказывается недостаточным не только одно голое противопоставление совершенной и несовершенной формы, но даже и добавление определений полноты действия (по типу *пьянел, но не опьянел полностью*). Приходится, например, ввести в контекст второе дополнение, не совпадающее с дополнением первого глагола (*все видел, а главного не увидел*), иногда — более сложные качественные определения самого действия (*много говорил, а по существу ничего не сказал*) и т. п.

В эту же группу входят глаголы переживаний и психических состояний, которые могут мыслиться и как длительные и как кратковременные: *волноваться/взволноваться, стыдиться/устыдиться, сомневаться/усомниться, трусить/струсить, пугаться/испугаться, радоваться/обрадоваться, печалиться/опечалиться, грустить/взгрустнуть*, также *нравиться/понравиться, казаться/показаться* и др. В отличие от глаголов психических состояний из разряда непарных глаголов НСВ (*любить, ненавидеть* и т. п.) в рассматриваемых сейчас глаголах психическое движение не перестает быть самим собою, даже если оно кратковременно, мгновенно. Любая ментализация не меняет здесь качества процесса. При всех условиях А остается равным В.

б) Особого внимания заслуживает небольшая группа глаголов сознательного волевого действия, направленного на получение чувственного восприятия: *смотреть/посмотреть, глядеть/взглянуть (поглядеть, глянуть), слушать/послушать, нюхать/понюхать* и пр. Как и в предыдущей группе, действие, выражаемое этими глаголами, может быть и бесконечно долгим, но может сводиться и к одному мгновенному акту, без различия в качестве самого действия (снова А всегда равно В). Специфической чертой этих глаголов является возможность их смыслового противоположения по линии 'попытка' — 'успех' только что рассмотренным глаголам чувственного восприятия; ср.: *смотрел, но не увидел, слушал, но не услышал*. По своему мыслительному содержанию эти смысловые противоположения вполне аналогичны видовому противопоставлению типа *ловил, но не поймал*. Однако важно подчеркнуть, что в интересующем нас сейчас типе противоположение, собственно, не связано с видом.

Во втором члене формулы одинаково возможны и СВ, и НСВ, что лишний раз подчеркивает тождественность их материального значения: *слушал, но не услышал* по существу = *слушал, но не слышал*; *смотрел, но не увидел* = *смотрел, но не видел*. Отсюда вывод: противоположение 'попытка' — 'успех', одно из важных противоположений в системе функций видовых пар, может выражаться в русском языке и независимо от вида, посредством других соотносительных глагольных пар, не видовых, а чисто лексических.

Состав и особенности третьей группы.

а) Пары *находить/найти*, *приходить/прийти*, *приносить/принести*, *привозить/привезти*, *приводить/привести*, *приезжать/приехать*, *приплывать/приплыть* и т. д. Как в подгруппе а) первой группы, глагол СВ обозначает факт скачкообразного, «точечного» перехода к новому качеству, причем указанием на «критическую точку» собственно и исчерпывается семантика соответствующей формы. Поэтому, поскольку речь не идет о переносных значениях (вроде *прийти к выводу* и т. п.) или о многократном действии, невозможными оказываются сочетания с *постепенно*, *полностью* и т. п. Глагол НСВ, как указано выше, не может иметь конкретно-процессного значения. Для передачи этого значения говорящие вынуждены прибегать к помощи простых глаголов *идти*, *вести* и др. с добавлением «ориентационных» слов, указывающих на приближение (*сюда*, *ко мне* и т. п.): *Смотри, вон он идет сюда*; *Я встретил почтальона, который как раз нес мне письмо* и пр. Вместе с тем во всех остальных функциях, кроме конкретно-процессной, глаголы *приходить*, *находить* и т. д. свободно употребляются. Ср.: *Изредка к нему приходил маленький, горбатый уродец* (Горький. Мои университеты) — неопределенная кратность, обычность; *Приходил Иванов?* — действие «вообще»; *приходит к жене* — у жены изба топится (Афанасьев. Сказка «Мена») — историческое настоящее и т. п.

В ту же группу входят такие пары, как *вызубривать/вызубрить*, *выучивать/выучить*, *изнашивать/износить*, по-видимому, также *запевать/запеть*, *заговаривать/заговорить* и др. Первый член этих пар тоже не может иметь конкретно-процессного значения (ср. невозможное **смотри, вот он сидит за столом и вызывает урок*), во всяком случае в том же лексическом значении.

б) Ближе к только что перечисленным глаголам стоят такие пары, как *качать(ся)/качнуть(ся)*, *махать/махнуть*, *вздрагивать/вздрогнуть*, *стучать(ся)/стукнуть(ся)*, *ударять(ся)/ударить(ся)*, *топать/топнуть*, *колоть/колоть* и громадное количество других аналогичных. Здесь глагол СВ обозначает действие, выполняемое

одним движением, в один, не разложимый на составные части прием. Глагол НСВ не может обозначать один отдельный акт данного движения (один толчок и т. д.) в процессе его осуществления, т. е. не может выступать в конкретно-процессной функции: *машет*, *качает(ся)*, *толкает(ся)* либо обозначают ряд однородных актов, либо выступают в обобщающей функции (*зачем толкаться?*), в роли исторического настоящего, настоящего сценических ремарок — например, у Блока в «Песне судьбы»: *Фаина (топает ногой)* — и в других подобных случаях.

Во всех глагольных парах третьей группы глагол НСВ является, так сказать, «неполноценным», лишенным, казалось бы, наиболее специфической функции НСВ — способности выражать данное действие в его протекании, как развертывающийся процесс. Это в значительной мере сближает рассматриваемые пары с непарными глаголами СВ, для которых, как мы видели, характерна именно невозможность процессуализации. И в одном и другом случае действие не может быть представлено как процесс, что не препятствует, однако, ни там, ни здесь выражению — теми или иными средствами — других (т. е. непроцессных) значений, закрепленных в русском языке за НСВ. С этой точки зрения грань между третьей группой парных глаголов и вторым разрядом непарных оказывается скорее морфологической, чем семантической.

Подытоживая все сказанное о семантико-синтаксических видовых группах глаголов в современном литературном русском языке, мы получаем следующую схематическую картину.

На двух полюсах глагольной лексики расположены два разряда непарных глаголов НСВ и СВ, т. е., с одной стороны, глаголы, которые обозначают процессы, лишенные внутреннего предела и не поддающиеся моментализации, и, с другой — глаголы, которые обозначают внезапные скачки и другие действия, не поддающиеся процессуализации. К последним, непарным глаголам СВ, вплотную примыкает, как мы только что видели, группа пар типа *приходить/прийти*, в которых глагол НСВ, хотя и образуется, но не способен иметь процессуальное значение. Таким образом, посередине между полюсами остаются только две группы глагольных пар, различие между которыми заключается в том, что в одном типе (*видеть/увидеть*) оба глагола всегда совпадают по своему материальному значению (А всегда равно В), а в другом (*ловить/поймать*) оба члена

пары могут и совпадать ($A = B$), и не совпадать ($A \neq B$). Пары вроде *слабеть/ослабеть* представляют, как мы видели, посредствующее звено, переходный тип между этими двумя группами.

Такова схема, которая, как и предшествующее изложение, разумеется, не может претендовать на сколько-нибудь исчерпывающую полноту. Несомненно, дальнейший анализ мог бы выделить внутри установленных здесь групп и подгрупп ряд более мелких подразделений, а также немалое количество промежуточных, переходных случаев, немалое количество глаголов, колеблющихся между перечисленными рубриками (некоторые такие случаи приводились выше). Наша цель заключалась, однако, не в том, чтобы исчерпать наличную полноту оттенков, а в том, чтобы, выделив наиболее важные группы глаголов, показать на практике возможность и важность такого изучения семантики видов, которое выводит конкретные особенности видовых значений и видовых свойств рассматриваемых глаголов из особенностей их лексической семантики, т. е., собственно говоря, из некоторых объективных свойств самих обозначаемых этими глаголами действий.

2. Функциональная полнота и морфологическая регулярность видовой парадигмы*

Более полувека назад, описывая в своей знаменитой книге о русском глаголе категорию вида, С. О. Карцевский постулировал наличие некоторой связи между характером видовой соотносительности и типом формальной структуры «видовых пар». Как известно, он усматривал чисто видовую соотносительность только в «парах» типа *выиграть/выигрывать*, т. е. в тех, в которых перфектив объединен с производным от него вторичным имперфективом. Такого рода «пары» он называл «грамматическими» (*couples grammaticaux*) и считал их «единственными видовыми парами, реально существующими в языке»¹¹⁵. Другие традиционно выделявшиеся типы «пар», супплетивные (*взять/брать*) и те, в которых перфектив является производ-

* Опубликовано на английском языке в кн.: The Slavic verb. An anthology presented to Hans Christian Sørensen 16th December 1981. Copenhagen, 1981. P. 103—106. — В русском варианте сделаны некоторые добавления.

¹¹⁵ Карцевский С. [Из книги «Система русского глагола»] // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 229.

ным от имперфектива (*играть* → *сыграть*, *толкать* → *толкнуть*), оказываются у Карцевского неграмматическими, т. е. как бы и вовсе не «парами». Исходные имперфективы вроде *играть*, по его словам, «не вступают ни в какие видовые пары»¹¹⁶, т. е. являются, как бы мы теперь сказали, глаголами *imperfectiva tantum*.

Концепция Карцевского имела большое значение для развития русской и славянской аспектологии и оказала влияние на многих позднейших исследователей. Однако в адрес этой концепции были высказаны и некоторые критические замечания. Так, Х. К. Серенсен отметил, что способ образования членов «видовой пары» в принципе, «сам по себе, есть лишь вопрос внешнего выражения, из которого не обязательно вытекают какие-либо следствия с точки зрения включения формы в систему языковых функций»¹¹⁷. Он подчеркнул, что Карцевский в своей схеме «односторонне учел только языковое выражение, не обратив в то же время внимания на его функцию в плане содержания»¹¹⁸.

Представляется, что замечания эти справедливы. Карцевский действительно несколько переоценил роль морфологической формы. На деле чисто грамматическая видовая соотносительность между перфективом и имперфективом встречается в русском и в других славянских языках не только там, где имперфектив является производным от перфектива, но довольно часто и в «видовых парах» различных других типов. Во всех случаях перфектив и соотносительный с ним имперфектив правомерно считать не двумя отдельными, хотя и «парными» глаголами, а двумя группами глагольных форм, вместе составляющими единую лексему — глагол с полной (= двойной) видовой парадигмой. Объективным критерием тождества лексического значения перфектива и имперфектива и основанием для их функционального объединения в составе одной лексики служит возможность замены перфектива данным имперфективом. Такая замена возможна или даже обязательна в определенных типах контекста, в частности — в историческом настоящем, в сценическом настоящем, при итеративизации и т. д.¹¹⁹

Так, в русском языке отрезок повествовательного текста *Он надел пальто, простился и выбежал на улицу*, описывающий с помощью

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Sørensen H. Chr. Strukturen i russisk, 1. København, 1973. P. 140.

¹¹⁸ Ibid. P. 140—141.

¹¹⁹ См.: Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР, отд. лит. и яз. 1948. Т. 7. № 4. С. 307 (= в наст. изд. раздел II, 1).